

Лу Нянь опешила от слов Лу Цзюин. Стоявшие рядом служанки нахмурились, готовые сделать замечание.

Сяо Миньюэ знала нрав Лу Цзюин и терпеливо ждала, что та скажет дальше.

Лу Цзюин шагнула вперед, поклонилась Лу Нянь и произнесла:

— В этом мире больше нет поместья Линь. Тот, кто когда-то был князем Линь, ныне лишь преступник, совершивший тяжкое деяние, а я — всего лишь бывшая рабыня, прошедшая через застенки Етин. Госпожа, вы — внучка князя Чанмина и старшая дочь воеводы Чжэньбэй, прошу вас, следите за своими словами.

Атмосфера между ними стала неловкой.

Лу Нянь сменила выражение лица, в нем больше не было прежней теплоты.

— Прошу прощения за мою бестактность, — сказала она. — Я лишь подумала, что мы из одного рода, и хотела по-сестрински поприветствовать вас...

Лу Цзюин слегка кивнула, ее холодная отстраненность говорила сама за себя.

— В таком случае я откланяюсь. Госпожа Сяо, благодарю вас.

Даже получив отповедь, Лу Нянь осталась вежлива. Сяо Миньюэ смотрела, как этот изящный силуэт удаляется в окружении служанок, и, лишь когда они скрылись из виду, повернулась к сестре:

— Сестра, ты была с ней так сурова.

Лу Цзюин поджала губы. Она взяла Сяо Миньюэ за рукав, не отвечая, и, заметив прореху на ее новом платье, вздохнула:

— В Юньсяньло полно слуг, зачем тебе было самой лезть тушить огонь? Едва надела обновку — и вот в каком она теперь виде.

— Сестра, ты сейчас...

— Что я?

Сяо Миньюэ моргнула:

— Как ворчливая старуха.

Лу Цзюин сдержалась, лишь легонько щелкнув ее по лбу:

— Твой отец и учитель в отъезде, брат тоже не дома. Если я не буду тебя приструнивать, ты совсем от рук отобьешься.

— Когда вернется отец, только попробуй ему рассказать!

— Это будет зависеть от того, как ты себя проявишь.

Сяо Миньюэ, теребя измятый подол, вдруг наклонилась и скорчила Лу Цзюин рожицу.

На обратном пути в карете Лу Цзюин сама заговорила о Лу Нянь, проясняя недоумение Сяо Миньюэ.

— Князь Чанмин и воевода Чжэньбэй пользуются большим доверием императора Сяо, их род славится полководцами и государственными мужами. Когда я была в Чанъане, в Етине, я слышала, как престарелый князь Чанмин лично возглавил тысячу отборных воинов и разбил стотысячное войско хунну — он поистине храбр и мудр. Воевода Чжэньбэй охраняет Сыли, не покидая императора; он решает все внутренние беды и занимает высокое положение при дворе. А юный княжич, хоть и не имеет громких заслуг, в свое время обучался вместе с наследником престола, и наставники хвалили его за острый ум и благородный нрав.

Сяо Миньюэ задумалась о том, что дед, сын и внук разбросаны по трем областям, и уловила некую тонкую игру.

Лу Цзюин поняла, что та догадывается о сути дела, и продолжила:

— Тот, чья доблесть затмевает правителя, подвергает себя опасности. Его Величество не хочет повторения смуты, которую устроил мой отец, поэтому он держит князя Чанмина, воеводу и юного княжича на расстоянии, не позволяя им видаться без высочайшего указа. Особенно это касается юного княжича — боюсь, он обречен до конца дней своих не покидать пределов Чу, чтобы ни шагу за границы. В глазах людей они окружены почетом, но на деле ходят по тонкому льду.

Говоря это, Лу Цзюин помрачнела:

— Сегодняшний разговор Лу Нянь со мной, хоть и продиктован лишь вежливостью, в глазах иных людей может выглядеть как признак того, что у князя Чанмина появились тайные замыслы. Это может навлечь беду на весь их род.

Такова истинная сторона жизни императорской семьи.

Сяо Миньюэ смотрела на Лу Цзюин, понимая, откуда берется ее холодность. Но человек не может вечно жить в тени. В конечном счете, все стремятся к благополучному исходу.

Сяо Миньюэ решила сменить эту печальную тему:

— Сестра, тебе понравились сегодняшние фонари?

— Понравились.

— А день рождения в этом году тебя порадовал?

— Порадовал.

Сяо Миньюэ улыбнулась:

— Значит, в этом мире есть вещи, которые приносят тебе радость. Живи чуть легче. Мы не чиновники и не ученые мужи, зачем нам думать о столь многом? Главное — прожить жизнь свободно.

Прожить жизнь свободно.

Лу Цзюин задумалась. В какой-то миг ей показалось, что это и правда неплохой путь.

Она приподняла занавеску и взглянула на полную луну, но в глубине души все еще тревожилась за ту девушку.

Лу Нянъ вернулась в поместье воеводы Чжэньбэй под лунным светом. Внутри было светло как днем, дорожки вымощены яффи́том, деревья и цветы напоминали море облаков, конца которому не было видно. Четыре служанки проводили Лу Нянъ до галереи, где их сменили другие четыре, чтобы проводить ее дальше.

Однако они повели ее не в личные покои, а к беседке.

Лу Нянъ почувствовала неладное и спросила:

— Брат проснулся?

Служанка впереди тихо ответила:

— Да.

Вскоре они подошли к беседке Цинлянь. Внутри стоял человек. Лу Нянъ тихо приказала служанкам:

— Если кто спросит о Юньсяньло, о Лу Цзюин ни слова.

Служанки поклонились и отошли.

В беседке ждал юный княжич Лу Хао. Снаружи стоял воин с мечом по имени Цин Чэнь. Увидев Лу Нянъ, он поклонился и удалился.

Лу Нянъ посмотрела на брата, но не успела ничего сказать, как он обернулся.

Юный княжич был статен: в черных одеждах, с нефритовой заколкой в волосах, с открытым и ясным взглядом. Он поднял руку и позвал:

— Нянъ-нянь, иди сюда.

Лу Нянъ послушно вошла в беседку. Глядя на брата, которого не видела несколько месяцев, она не заметила на нем никакой усталости от путешествий. В поместье все считали, что Лу Хао болен и восстанавливается в уединении, но это была лишь ширма.

Она хотела было спросить о его здоровье, как вдруг услышала громкий крик. На камнях у пруда она увидела двух огромных птиц.

Они были белы как нефрит, с тонкими прямыми ногами и изогнутыми, словно луна, шеями.

Когда они слегка расправляли крылья, виднелись черные перья, а на макушках горели ярко-красные пятна. Их грация была божественной, словно это были существа, спустившиеся с небес.

Лу Нянь была поражена. Долго молчав, она спросила:

— Это... журавли?

— Именно так.

— Откуда они?

Лу Хао посмотрел на нее сверху вниз:

— Я привез их из Яньчжоу.

Лу Нянь напряглась и, невольно схватив брата за рукав, прошептала:

— Брат, Яньчжоу граничит с Сыли. Если в Чанъане узнают...

— Ничего страшного, — невозмутимо ответил Лу Хао. — В этот праздник середины осени я не смог быть с тобой, эти журавли — мой подарок. Тебе нравятся?

Лу Нянь, все еще сжимая его рукав, посмотрела на птиц и кивнула.

На самом деле ей было не по себе.

Взгляд Лу Хао переместился с ее лица на ее пальцы, вцепившиеся в ткань. Она явно боялась, ее пальцы подрагивали. В этот момент журавль издал резкий крик, Лу Нянь вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и слабо улыбнулась брату.

Лу Хао не увидел той радости, на которую рассчитывал.

Он повернулся к ней:

— Нянь-нянь, впредь не выходи из дома одна.

В глазах Лу Нянь мелькнуло неясное чувство, но она промолчала, отпустила его рукав и кивнула.

— Поздно уже, иди отдыхай.

Лу Нянь ответила и ушла. Лу Хао провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду. Она так ни разу не обернулась и не спросила, как он. Его ясные глаза стали темными и холодными. Он позвал скрывавшегося в тени Цин Чэня.

Тот вышел и заботливо произвел:

— Юный княжич, путь был долгим, рана, полученная в Юньчжуне, все еще не зажила. Вам стоит отдохнуть.

— Пустяки, — ответил Лу Хао, касаясь раненого плеча. Вспомнив воинов из Юньчжуна, которые на него напали, он слегка усмехнулся. — Те воины подслушали мой разговор с дедом и заплатились жизнями. А то, что я без ведома императора покинул свои земли — это моя цена.

Цин Чэнь поклонился:

— Юный княжич умеет ждать, и вы непременно добьетесь своего.

— Добьюсь своего, — Лу Хао повторил эти слова, словно они ему не понравились. Он взглянул на Цин Чэня: — Это по праву должно было принадлежать мне.

Цин Чэнь не посмел ответить, глядя на светящиеся камни дорожки.

Лу Хао сменил тему:

— Что сегодня было в Юньсяньло?

Цин Чэнь вздохнул с облегчением и доложил:

— Госпожа ходила любоваться луной. Чтобы избежать шума, она устроила себе столик в уединенном месте, но там затеяли ссору другие дамы, и по неосторожности вспыхнул фонарь. Искры разлетелись, но госпожа не пострадала.

— Кто позволил ей выйти из поместья?

— Слуги не осмелились перечить.

— Кто затеял ссору?

— Дочь наместника с подругами спорили, пытаясь пригласить госпожу к себе, но та отказалась.

Лу Хао коснулся места на рукаве, где только что держалась сестра. Помолчав, он снова спросил:

— Что еще?

— Ничего.

Лу Хао посмотрел на звезды:

— Раньше она не любила ходить туда любоваться луной. Теперь, когда меня не было, она стала проявлять интерес. Цин Чэнь, как думаешь, эти журавли из Яньчжоу красивы?

— Юный княжич семь дней не спал и не ел, поднимаясь на гору Юньшань, чтобы вымолить их у небожителей. Они, безусловно, несравненны.

Лу Хао холодно произнес:

— Убей их. Если госпожа спросит, скажешь, что они не привыкли к землям Чу и погибли от голода.

— Юный княжич... — Цин Чэнь хотел возразить, но проглотил слова. — А что делать с четырьмя служанками?

Лу Хао сошел с беседки и посмотрел на Цин Чэня сверху вниз, а затем снова на журавлей.

Цин Чэнь опустил на колени:

— Слушаюсь.

Праздник середины осени миновал, и в Пэнчэне неожиданно пошли дожди.

После беспокойного дня Сяо Минъюэ спала плохо. Деревянное окно было приоткрыто, и она слышала шорох, словно находилась посреди бескрайнего неба.

Пыль и песок летели ей в лицо, обжигая кожу. В огромной пустыне она чувствовала себя песчинкой, которой не на кого опереться. Затем появилось дерево с голыми ветвями, и ветер разметал охапки белоснежных лепестков, которые вместе с ее слезами погреблись в песке.

Даже во сне Сяо Минъюэ чувствовала острую боль в груди. Она видела маленькую себя, стоящую на коленях на усыпанной лепестками дороге, взывающую к уходящему человеку.

Это был юноша, одинокий и безупречно чистый.

Его силуэт скрылся в слезах, и внезапно эта тень превратилась в острую стрелу, летящую прямо в нее.

Сяо Минъюэ резко открыла глаза, чувствуя холод на лбу.

Она поднялась с постели и долго смотрела на приоткрытое окно, не в силах прийти в себя.

Праздник середины осени в этом году наконец-то закончился.

<http://bllate.org/book/20047/1981196>